

Эта поза была слишком уж близкой для «заклятых врагов», но, к счастью, Шэнь Ицэ сосредоточился только на состоянии Фу Шэня и не заметил, как его начальник, внушающий страх всем чиновникам, заботливо укрыл маркиза Цзиннина одеялом. Маркиз же, под одеялом, расслабил напряжённую спину и полностью перенёс свой вес на Янь Сяоханя.

— Раны на коже заживают хорошо, жар вызван простудой. У маркиза есть раны, и его организм уже не так силён, как раньше, поэтому важно избегать переохлаждения, не употреблять холодную пищу и продукты, вызывающие воспаление. В спальне нужно защищаться от холода и сырости, осень становится прохладной, угольные жаровни и благовония следует зажигать заранее... Самая серьёзная рана на колене и сухожилиях. Прошу прощения, маркиз, но эта травма потребует медленного восстановления в течение трёх-пяти лет, прежде чем можно будет надеяться на некоторое улучшение, но... в будущем с ходьбой и стоянием могут возникнуть трудности.

Шэнь Ицэ опустил поднятую штанину Фу Шэня и убрал подушку для пульса:

— Я выпишу рецепт для лечения простуды. Что касается травм ног, продолжайте лечение по методам врача армии Бэйянь, а я, вернувшись, посоветуюсь с врачами из императорской больницы, соберём все идеи, и, возможно, найдём лучший способ.

Фу Шэнь внезапно вдохнул холодным воздухом:

— Ссс... Полегче!

Шэнь Ицэ:

— Что?

— Не ты, — Фу Шэнь пошевелил плечом, которое Янь Сяохань сжал до боли, и вежливо сказал:

— Благодарю вас, господин Шэнь, за ваши усилия.

— Не стоит благодарности, — Шэнь Ицэ слегка наклонился:

— Моё мастерство недостаточно, чтобы помочь маркизу, мне стыдно.

Фу Шэнь:

— Ничего страшного. Я знаю, насколько серьёзны мои раны, сделаем всё, что в наших силах, а дальше — как судьба распорядится.

Янь Сяохань помог ему лечь обратно, его выражение было непостижимым. У него от природы было мягкое и доброе лицо, и по нему невозможно было сказать, что именно он только что сжал плечо непоколебимого генерала Фу до боли.

— Отдайте рецепт слугам маркиза, пусть приготовят лекарство. Если чего-то не хватает, отправьте за покупками, если нет — возьмите из моего дома.

Шэнь Ицэ поклонился Фу Шэню и ушёл, выполняя приказ.

В комнате наконец остались только они двое. Янь Сяохань отодвинул круглый табурет и сел подальше от него:

— Твоя нога...?

— Только что сказал, что всё как есть, — Фу Шэнь протянул руку:

— Дай мне воды.

Янь Сяохань нахмурился:

— Она холодная.

— Холодная тоже подойдёт, иначе умру от жажды, — Фу Шэнь сказал:

— То же самое с ногой: сломана, но жить нужно. Разве я могу из-за этого повеситься?

Янь Сяохань не нашёлся, что ответить, и просто вылил остатки чая из чашки, налил свежей и подал ему:

— Его Величество беспокоится и специально послал меня осмотреть твои раны.

Фу Шэнь:

— Тогда он может быть спокоен.

Янь Сяохань без церемоний сказал:

— Не думаю, раз ты ещё дышишь.

Фу Шэнь посмотрел на него с выражением «ты опять за своё».

— Мне всё это кажется нереальным, — Янь Сяохань спросил:

— Ты точно не оставил запасного плана или не распространял ложные слухи?

Фу Шэнь ответил вопросом на вопрос:

— Почему ты так думаешь?

Янь Сяохань:

— Потому что ты выглядишь умным, и по лицу видно, что ты не способен на такую глупость.

— Это правда, — Фу Шэнь покачал головой:

— Открытую атаку легко избежать, но скрытую стрелу трудно предвидеть. Ты думаешь, что я не могу попасть в ловушку, но, возможно, ты просто переоцениваешь меня.

Янь Сяохань был удивлён такой низкой самооценкой с его стороны.

С юных лет служа в армии и совершая великие подвиги, Фу Шэнь казался человеком, созданным для того, чтобы разрушать понятие «невозможного». Маркиз Цзиннин и железная кавалерия Бэйянь для многих стали мифом о непобедимости, этот образ настолько глубоко укоренился в сознании, что даже у Янь Сяоханя возникло заблуждение.

Но он был всего лишь обычным человеком, без трёх голов и шести рук, без медной кожи и железных костей, и его тело из плоти и крови не могло противостоять падающему с неба валуну.

— На обратном пути в столицу я разговаривал с людьми в чайной и услышал, что в городе ходит песенка: «Генерал Фу на северной границе — и столица спит спокойно». — Фу Шэнь вздохнул:

— Смешно, я провёл в Бэйяне семь-восемь лет, думал, что совершаю великие дела, защищаю границы и народ, настолько зазнался, что забыл, как меня зовут, а в итоге понял, что не только татары и чжэ не могут спать спокойно, но и сам император не находит покоя из-за меня...

Янь Сяохань сказал:

— Если ты всё понял, почему бы просто не сдать командование и не вернуться домой, чтобы спокойно жить и заниматься сельским хозяйством? Быть богатым бездельником разве не лучше, чем сражаться на поле боя или участвовать в интригах в столице?

— Брось, — Фу Шэнь усмехнулся:

— Мы ведь не в первый день знакомы? Брат Янь, я думал, мы хоть как-то близки, а ты мне такое говоришь?

Он тихо добавил:

— Восточные татары не оставляют своих замыслов, племя чжэ следит за нами, а в столице многие ослеплены миром последних десяти лет. Если я уйду сейчас, кто возьмёт на себя командование железной кавалерией Бэйянь, кто будет заботиться о защите границ? Когда враги подойдут к стенам, пострадают невинные люди...

— А тебе какое до этого дело?

Фу Шэнь резко поднял глаза.

Янь Сяохань холодно сказал:

— Император тебя боится, чиновники тебе не доверяют, глупые люди только кричат, следуя толпе. Ты оказался в таком положении, и кто вспомнит о твоих заслугах? Ты сам почти лишился места, а ещё заботаешься о мире — не кажется ли тебе это ироничным, генерал Фу?

Эти слова были холодными и бессердечными, почти крамольными, но, к удивлению, Фу Шэнь не стал отвечать на них сарказмом.

Янь Сяохань смотрел на его задумчивый профиль и вдруг ясно осознал, что та юношеская яркость и острота, которая всегда была в Фу Шэне, постепенно угасала.

Болезни, жизненные трудности или что-то ещё... полностью истощили его.

Между ними была дистанция, но в этот момент они были честнее, чем когда были близки. Янь Сяохань и Фу Шэнь действительно не ладили, но их вражда была далека от слухов о взаимной неприязни. Они познакомились в юности, и их «заклятая вражда» была всего лишь удобным недоразумением. Один был влиятельным военачальником, другой — доверенным лицом императора, и слишком близкие отношения вызвали бы подозрения.

Их поверхностная дружба избавила от многих проблем, но скрыла некоторые глубокие разногласия, зарытые под поверхность мира.

Фу Шэнь происходил из знатного рода, его отец и дед погибли на поле боя, и преданность с ответственностью были у него в крови. А Янь Сяохань был расчётливым и готовым на всё человеком, поднявшимся наверх, шагая по трупам, и не понимал этих «благородных людей», которые готовы были проиграть и даже пожертвовать собой.

Они шли разными путями, и, возможно, оба это понимали, но не ожидали, что развилка появится так внезапно и потребует такой высокой цены.

Резиденция герцога Ина.

Осенний ветер был прохладным, но внутри комнаты царила тёплая атмосфера. Длинный диван

стоял у окна, на красном низком столике лежали закуски и фрукты. Подросток, сидя с ногами на диване, делал вид, что внимательно читает книгу, но уже полчаса не перелистывал страницу. Внизу стояли служанки, время от времени переглядываясь, подмигивая или делая знаки, не останавливаясь ни на минуту. Подростка это начинало раздражать, как вдруг снаружи вбежала маленькая служанка и звонко объявила:

— Госпожа пришла.

Все сразу же выпрямились, служанки опустили глаза и замерли. Молодой человек перестал качать ногой, выпрямился и быстро принял вид прилежного ученика. Когда богато одетая женщина вошла в комнату, она увидела эту тщательно выписанную картину «неустанного учения».

Госпожа Цинь, опираясь на руку служанки, села на диван, а молодой человек встал, поклонился и назвал её «мамой», затем сел рядом. Госпожа Цинь взяла его за руку и с упрёком сказала:

— Уже темно, почему в комнате не зажгли свет? Ты испортишь глаза.

Служанки тут же зажгли лампы и принесли свежий чай. Молодой человек равнодушно ответил:

— Я так увлёкся чтением, что не заметил. Мама, почему ты пришла сейчас?

Госпожа Цинь сказала:

— Я была во внешнем дворе, чтобы обсудить кое-что с твоим дядей, и, возвращаясь, зашла к тебе. Чтобы тебе не пришлось лишний раз идти ко мне вечером.

Молодой человек хитро улыбнулся:

— Это касается моего старшего брата?

Госпожа Цинь посмотрела на него:

— Ты слишком много знаешь. Целыми днями ты не учишься, а только выпрашиваешь такие вещи.

— Об этом уже весь город говорит, мне не нужно специально выпрашивать, — молодой человек усмехнулся:

— Просто у него сломалась нога, и он больше не может оставаться на границе, поэтому вернулся в столицу доживать свои дни.

Услышав это, госпожа Цинь сжала губы, но не стала ругать его, а лишь приказала окружающим слугам:

— Все выйдите, я поговорю с Яром.

<http://bllate.org/book/15271/1347931>